

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ И ХЛЕБНЫЕ ЦЕНЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. ЗА ИЛИ ПРОТИВ НЕОКЛАССИЧЕСКИХ ТЕОРЕМ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ?

Г.Г. ПОПОВ,

кандидат экономических наук, доцент,
Московский технологический институт,
г. Москва, Россия,
e-mail: GGPopov2009@mail.ru;

Е.И. ЧИБИСОВА,

кандидат экономических наук, доцент,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
г. Москва, Россия,
e-mail:managerez@yandex.ru

Настоящая статья посвящена проблеме влияния хлебного экспорта Российской империи на внутренние цены на хлеб. В работе предлагается контрфактическая модель развития хлебного рынка России в случае прекращения экспорта зерна за рубеж. Авторы обращаются к более широкому кругу вопросов, включающих не только хлебный экспорт России в начале прошлого века, но и вопросы неоклассических теорий внешней торговли. Анализируется влияние хлебного экспорта на платежный баланс Российской империи и на объемы и структуру инвестиций. В этой связи доказываем, что рост экспорта хлеба негативным образом сказывался на инвестициях в обрабатывающую промышленность, и наоборот. Авторы приходят к выводу, что экспорт трудоемких товаров из страны может спровоцировать отток капитала в страны, специализирующиеся на выпуске капиталоемких товаров, поскольку экспорт трудоемкой продукции снижает спрос на капитал. Вывоз капитала из Российской империи перед Первой мировой войной был настолько масштабным, что вынуждал правительство обращаться к внешним займам. В этой связи авторы ставят под сомнение, что положительный платежный баланс имеет всегда позитивный характер для национальной экономики. Поэтому хлебный экспорт России имел негативные последствия в долгосрочной перспективе, замедляя модернизацию, неся при этом положительные тенденции для сельского хозяйства страны, особенно ее юго-западных регионов. Однако авторы считают, что наращивание хлебного экспорта было предопределено самим характером потребления продовольствия в Российской империи. В этой связи авторы пытаются провести параллели с современной ситуацией в российской экономике в контексте темы «сырьевого проклятья».

Ключевые слова: Российская империя; хлебный экспорт России; экономическое развитие; платежный баланс; сельское хозяйство; неоклассические теории внешней торговли

FOREIGN TRADE AND GRAIN PRICES IN THE RUSSIAN EMPIRE. FOR OR AGAINST THE NEOCLASSICAL THEOREMS OF TRADE?

Grigoryi POPOV,

PhD in Economics, Assistant Professor,
Moscow Technological Institute,
Moscow, Russia,
e-mail: GGPopov2009@mail.ru;

Elena CHIBISOVA,

PhD in Economics, Assistant Professor,
Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia,
e-mail: managerez@yandex.ru

This paper deals with the problem of the influence of grain export from the Russian Empire on the domestic price on bread. The counterfactual model of Russian grain market development is proposed, in case if grain export is ceased. The authors refer to a wider range of issues, including not only grain export of Russia in the beginning of the last century, but also to the neo-classical theories of foreign trade. The authors provide analyzes of export's effects on the balance of payments of the Russian Empire and investments structure and level. In this regard, it is proved that the growth of bread exports negatively affected investments in the manufacturing sector, and in another way in case of falling export of grain. The authors conclude that the export of labour-intensive goods from the country can provoke the outflow of capital in the country specializing in the production of capital-intensive goods, since the export of labour-intensive products reduces the demand for capital. The export of capital from the Russian Empire before the First World War was so significant that the government was forced to turn to foreign loans. In this regard, the authors have questioned that the positive balance of payments has always positive effect on the national economy. In Russia, grain export had negative consequences in the long term, slowing modernization, however making a positive trend for the country's agriculture, especially its Southwestern regions. However, the authors believe that increase in grain export had been predetermined by the nature of food consumption in the Russian Empire. In this context, the authors try to draw parallels with the modern situation in the Russian economy in the context of «resource curse».

Keywords: Russian Empire; the grain exports of Russia; economic development; balance of payments; agriculture; the neoclassical theories of foreign trade

JEL classifications: B15, B25

Постановка проблемы

В конце 1940-х гг. Пол Самуэльсон выдвинул концептуальную идею, что страна, экспортируя трудоемкие товары, фактически экспортирует труд, который, правда, остается на ее территории (Самуэльсон, 2006. С. 205–219). Неоклассические теории внешней торговли до и после начала разработок П. Самуэльсона опирались на допущение, что страны не обмениваются факторами производства. Это вошло в противоречие с тоже неоклассической теоремой Кнутсе, что рост стоимости капитала в какой-либо

стране привлекает капиталы из других стран, если там он дешевле. По ранним работам П. Самуэльсона, таким образом, получается, что внешняя торговля тормозит процесс прямого обмена факторами производства между странами, но каждый проданный за рубеж товар фактически является трансграничным движением труда и капитала (рента неоклассиками в этом контексте не рассматривалась). В этой связи хлебный экспорт России до революции является классическим примером, так как сельское хозяйство Нечерноземья не нуждалось в иностранных инвестициях, равно как и само не выступало источником российских инвестиций за рубеж.

В последние годы в России стала популярной тема «сырьевого проклятья» (*Латов, 2009. С. 91–104*). «Пробуксовка» реформ «постельцинской» эпохи объясняется некоторыми учеными как следствие экспорта нефти и газа за рубеж. Этот сюжет перекликается с темой хлебного экспорта из России, который, по мнению ряда современников, вел к дефициту и дороговизне зерна на внутреннем рынке. В обоих случаях экспорт тормозил модернизацию страны, поэтому в рамках левого дискурса данный аспект служит одним из оправданий коммунистического режима, который, впрочем, сам в не меньшей степени обращался к экспорту как средству модернизации.

Однако остается открытым вопрос, стали бы российские зерновые хозяйства в начале XX в. заниматься выращиванием хлеба в тех же объемах, если бы не было экспорта? Перенесясь на несколько десятилетий вперед, мы можем задаться тем же вопросом и по поводу нефтегазового комплекса. Правда, ответить на него сложнее, нежели про хлебную торговлю, так как НГК разделен на несколько крупных компаний, связанных с госзаказом, а предложение хлеба в дореволюционной России было представлено множеством различных товаропроизводителей.

В рамках теории «сырьевого проклятья» вопрос ставится в рамках неоклассического анализа: от какого количества благ «А» мы должны отказаться, чтобы произвести на экспорт какое-то количество благ «Б». В настоящей статье мы ставим вопрос несколько по-другому возможна ли ситуация, что при отказе от экспорта не будет прироста благ «А» либо этот прирост будет незначительным и явно непропорциональным тем потерям, какие общество понесет при отказе от внешней торговли? Этот вопрос упирается в проблему скрытых резервов общества, когда мы знаем из микроэкономики, что экономический агент может и вовсе отказаться от производства, предпочтя труду свободное время, поведение предпринимателя, тем более, фермера подчиняется этому же правилу.

Российская империя как объект историко-экономического анализа давно привлекает внимание исследователей, однако не настолько, чтобы можно было говорить о существенном прорыве в данном направлении, о чем хорошо сказано в одной из недавних работ (*Попов, Щеголевский, 2015. С. 67–77*). Мы считаем, что опыт Российской империи необходим нам сегодня как объект анализа, принимая во внимания схожие тенденции той системы народного хозяйства с современной, в частности, огромное предложение дешевого и низкоквалифицированного труда (*Чибисова, Чибисов, Попов, 2015. С. 3835–3856*).

Интеграция в мировую экономику и внутренние цены на хлеб в России

Как утверждает Б.Н. Миронов, революция цен в России, и первые повысились в 3,7 раза, произошла в XVIII в. (*Миронов, 2010. С. 514*), когда в Европе этот процесс завершился почти на полтора столетия раньше. Мы не можем полностью согласиться с таким вердиктом Б.Н. Миронова, поскольку он берет за основу ценовую ситуацию в достаточно специфическом городе Российской империи – С.-Петербурге. В одной из работ мы утверждали, что интеграция России в капиталистическую мир-систему началась еще в конце XVI в. с открытия пути в Архангельск (*Попов, 2013. С. 92–106*). Правда, объемы и структура экспорта тогда не были столь значительными, чтобы вызвать настоящую революцию цен, но увеличение количества монетарного серебра в

обращении имело достаточный масштаб, чтобы вызвать инфляцию и экономический кризис, приведший к Великой Смуте.

Однако, по подсчетам Б.Н. Миронова, цены в России в канун Петровских реформ были в 6 раз ниже, чем в западноевропейских странах (*Миронов, 2010. С. 514*). На наш взгляд, это обстоятельство создало хорошую основу для экспансии российского экспорта в XVIII в. Не совсем понятно в этой связи, почему активно шедшая по пути интеграции в мировую экономику Россия испытала в XIX в. замедление роста внутренних цен, они выросли с 1810 по 1900 гг. в 1,7 раза (*Миронов, 2010. С. 513*). Мы предполагаем, что это было вызвано снижением роста цен у основного внешнеэкономического партнера и в то же время конкурента – Британской империи. Б.Н. Миронов объясняет более стремительный рост цен на сельскохозяйственную продукцию после Петровских реформ низкой, по сравнению с промышленностью, производительностью труда в сельском хозяйстве, которое было в меньшей степени охвачено модернизацией. Но не надо забывать тот факт, что поставками хлеба на рынок занимались в основном уже капиталистические или полукапиталистические крупные и средние хозяйства, расположенные в Южном Черноземье (*Brutzkus and Roth, 1934. P. 663*), особенно это касается второй половины XIX – начале XX вв. (*Попов, Щеголевский, 2015. С. 67–77*).

Рост цен на аграрную продукцию в России, как мы полагаем, был спровоцирован в значительной степени зерновым экспортом, а также ростом потребностей армии и флота в фураже, что было связано с экспансией империи. Помимо этого, немалый процент наиболее эффективных крестьянских хозяйств приняли участие в русской колонизации окраин империи, что также отразилось на росте цен. Известно, что в 1909–1913 гг. Россия ежегодно экспортировала около 10,7 млн т зерновых, или почти треть всего мирового экспорта этой продукции (*Brutzkus and Roth, 1934. P. 663*). И это есть рекорд, так как в 1890 – 1894 гг. из России было экспортировано 6514,2 тыс. т, с 1895 по 1899 гг. – 7262,1 тыс. т, с 1905 по 1909 гг. – чуть более 9 млн т (*Чистяков, 2015. С. 289*). В 1911 – 1913 гг. экспортоспособность российского зернового производства, включая и готовую муку, составляла 14,8%, что примерно соответствовало уровню Индии (*Чистяков, 2015. С. 293*).

По подсчетам С.А. Нефедова, чистый остаток зерна и картофеля составлял в России в конце XIX в. 24,3 пуда на человека в год, из них 4,8 пуда экспортировалось (*Нефедов, 2005. С. 258*), когда для поддержания потребления, обеспечивающего социальную стабильность, требовалось в начале XX в. 25 пудов (*Чистяков, 2015. С. 296*), хотя эта цифра вызывает сомнения. Экспорт зерна из России рос примерно пропорционально увеличению производства зерновых (*Чистяков, 2015. С. 296*), что вполне объяснимо ориентацией целых регионов страны на экспорт аграрной продукции вне связи с ростом спроса на внутреннем рынке (*Brutzkus and Roth, 1934. P. 663*).

Нас интересует вопрос с внутренними ценами: как на них влиял экспорт? Несомненно, ориентированные на продажу зерна за рубеж регионы забирали часть капиталов, инвестиций в транспорт и рабочую силу, которая могла в противном случае направляться в регионы, производившие аграрную продукцию для внутреннего рынка. Если, гипотетически, внешний рынок по каким-то причинам оказался бы закрыт для русского зерна, то последнее было бы направлено на внутренний рынок. С 1861 г. пропорция экспорта зерна к его потреблению в стране была стабильной вплоть до Первой мировой войны. Зная эту пропорцию, примерно 15–20%, а также объемы сбора зерновых, мы можем применить стандартную микроэкономическую линейную модель прогнозирования спроса, правда, для этого нам еще надо знать эластичность спроса по цене на зерно в Российской империи в 1861–1913 гг., и это – самая сложная задача в нашем исследовании.

Из работы Л.В. Милова мы можем четко представить ценовую ситуацию на российском хлебном рынке в XIX в., что должно нам сильно помочь при расчете ценовой эластичности. В 1820–1840 гг. в России произошел резкий рост производительности

сельского хозяйства за счет расширения барской запашки и повышение популярности оброка, что способствовало почти трехкратному снижению цен на ржаную муку по европейским губерниям России, после отмены крепостного права и очередного роста индустриализации экономики цены на рожь выросли в три раза к концу 1880 гг. (Милов, 1974. С. 55).

Для удобства, будем брать за основу только цену за пуд ржаной муки – основного продукта потребления рабочих и крестьян Российской империи, и это справедливо, так как пшеница была почти до 1912 г. дополняющим рожь продуктом, поэтому цены на первую детерминировались стоимостью последней. Цены за пуд ржаной муки имели тенденцию: 1840 – нач. 1850 гг. – 36,2 коп. за пуд; 1880 гг. – 96 коп. за пуд. Мы считаем, справедливо было бы считать последний показатель цены за пуд ржаной муки справедливым для 1890 г., правда, с некоторыми оговорками. Надо сказать, что в Гамбурге цена на ржаную муку в первой половине 1880 г. составляла 101 коп. (в переводе на российскую валюту) (Милов, 1974. С. 63). Этот факт отчасти опровергает утверждение Б.Н. Миронова, что Россия сильно отставала от Запада вплоть до XX в. по уровню цен. Очередная революция цен, если судить по стоимости ржи в работе Л.В. Милова, произошла в России после начала Великих реформ (Милов, 1974. С. 63). После революции 1905 г. цены несколько подросли, фунт ржаной муки стал стоить около 105 коп.¹ (Краткий свод, 1915. С. 38–40). Правда, произошли изменения, пшеничная мука стала стоить в два с лишним раза дороже, нежели ржаная, но это – данные по С.-Петербургу и Москве (Краткий свод, 1915. С. 38–40; Корелин, 1916. С. 170–173).

Итак, мы имеем немного информации по ценам на ржаную муку: 36,2 коп., 96 коп., 105 коп. для разных исторических периодов. Между 1880 и 1913 гг. цена на пуд ржаной муки поднялась только на 9 коп., судя по ценам в С.-Петербурге и Москве, хотя и были периоды всплеска цен, например, стоимость продуктов питания по ряду губерний возросла в два раза в 1904 – нач. 1905 гг., что было вызвано Русско-японской войной. Таким образом, мы имеем право утверждать, что рост цен в период с начала 1880 гг. и до Первой мировой войны был незначительным без учета сезонных и политических колебаний. Это дает нам возможность заключить, в свою очередь, что новая революция цен в России была «приторможена» после 1889 г., и во многом было вызвано «замораживанием» зарплат в городах. С другой стороны, это обстоятельство облегчает анализ.

Пренебрегая сезонными и политическими колебаниями и беря во внимание инфляцию, мы можем утверждать, что с конца 1870 г. реальная цена на рожь практически не менялась, отсюда, спрос на хлеб в России был необычно низкоэластичным для данного вида продукта. Удивительного в этом ничего нет, так как численность городского пролетариата росла незначительно и немалый процент рабочих оставался связан с селом. В результате промышленного кризиса 1895–1896 гг. в ряде губерний прошли сокращения работников промышленных предприятий, то же самое повторилось в 1903–1905 гг. Более 80% крестьян обращались к домашнему потреблению основных продуктов питания, что сокращало пространство для хлебного рынка.

Мы назвали условную среднюю цену пуда ржаной муки – 101 коп., хотя в Черноземье перед Первой мировой войной она была на треть ниже (Анфимов, 1917. 178–189), но, думается, все же сравнительно низкие цены в южных губерниях России были результатом сохранения нерыночных форм потребления. Во всяком случае, тренд цен в 1901–1914 гг. в Черноземье и Нечерноземье России слабо связан с ростом численности населения и увеличением запашки и продаж зерна на внутреннем и внешнем рынках. Поэтому рыночными остаются в полном смысле слова цены в С.-Петербурге и, с некоторыми оговорками, в Москве. Для удобства мы берем цены по С.-Петербургу, которые являются в большей степени рыночными. Если делать поправку на транспорт,

¹ Краткий свод статистических данных по г. Петрограду за 1913–1914 гг. Пг., 1915. С. 38–40.

то хлебные цены в С.-Петербурге были не намного выше, нежели в Москве. Отправной точкой мы считаем 1904 г., чисто условно, в этом году ничего не произошло кардинального в экономике России, кроме роста госзакупок в связи с Русско-японской войной, что, и это следует из работы А. Рыкачева, в долгосрочном периоде незначительно повлияло на хлебные цены в С.-Петербурге (Рыкачев, 1911. С. 6).

Таблица 1

Ситуация с рожью в Российской империи в 1904–1910 гг.

Год	Потребление (тыс. пуд.)	Цена, коп. за пуд	Коэфф. эластичности(Ер)
1904	600510	164,2	-----
1905	576740	180	0,411
1906	966009	196,6	7,3
1907	1210137	241,6	1,11
1908	1201128	237,4	0,49
1909	1364922	214	1,39
1910	1317500	191,4	0,39

Источники: Рыкачев, 1911. С. 6; Материалы, 1915; Лященко, 1915.

Очевидно, спрос на рожь был в России начала прошлого века часто неэластичен, т.е., меньше единицы. Такое возможно, когда потребление жестко привязано к росту численности населения. Помимо того рожь выступала товаром-заменителем для других видов продовольствия. Аномальное поведение эластичности по цене на рожь в 1906 г. объяснимо экономическим кризисом в промышленных центрах, вызванным революцией 1905 г., при этом население промышленных центров явно стремилось делать запасы дешевого хлеба.

Теперь вернемся к нашему гипотетическому условию, что Российская империя прекратила экспорт зерна, что через она в основном и интегрировалась в мировое хозяйство. Стали бы юго-западные губернии страны собирать такие же объемы урожая для внутреннего рынка? Нет. Но мы знаем, что до 1860-х гг., когда стала расцветать черноморская торговля зерновыми, в 36 европейских губерниях Российской империи среднедушевое потребление хлеба составило 16,2 пуда на человека при душевом чистом сборе 18,9 пуда, мы имеем дело со слабой линейной зависимостью между ценой российского хлеба на внешних рынках и его сбором на экспорт. Но в этой связи сложно сказать определенно, как стали бы вести себя хозяйства, если бы прекратился хлебный экспорт, так как их поведение оставалось в целом еще не полностью рыночным вплоть до Первой мировой войны. Мы думаем, что реакцией зерновых хозяйств на отсутствие внешней торговли хлебом стала бы переориентация производства на внутренний рынок, хотя, несомненно, запашка упала бы на немалый процент.

Предварительно предполагаем, что снижение предложения на внутреннем рынке в ситуации отсутствия внешней торговли составило бы максимум 10%, если судить по соотношению душевого чистого сбора и душевого потребления в 1802–1811 гг. (24,2 пуда против 22,4 пудов (Нефедов, 2005. С. 200)). Россия тогда тоже торговала хлебом, но присоединение к континентальной блокаде и сравнительно еще низкие цены в сочетании с протекционистскими мерами в Англии не позволяли российским аграриям развернуть действительно масштабную торговлю, тем более, Черное море оставалось непопулярным маршрутом для коммерческого мореплавания. В эпоху Наполеоновских войн разрыв между чистым сбором и потреблением составлял в России примерно 8–9% (Нефедов, 2005. С. 200). С.А. Нефедов пишет, что в хозяйствах редко

кормили скот зерном, вплоть до 1860-х гг. (Нефедов, 2005. С. 200), поэтому в эти 8–9% разрыва между среднестатистическим производством и потреблением зерновых и входил экспорт, но немалая часть должна была пойти в запасы для посева и на случай неурожая (издревле крупные хозяйства делали запасы зерновых «на черный день»).

Полный отказ от торговли привел бы к сокращению производства зерна приблизительно максимум на 10%. Мы так рассуждаем, потому как убеждены, что в период Наполеоновских войн продолжали работать на экспорт только те производители, которые менее всего ориентировались на внутренний рынок и были склонны в наименьшей степени на него работать, несмотря на серьезные внешнеполитические риски и благоприятную внутреннюю конъюнктуру цен. Наше мнение подтверждается таким фактом, что в 1815 г. Россия смогла экспортировать 20 млн пудов зерновых (Сартор, 2011. С. 226) в условиях послевоенной разрухи народного хозяйства и снижения спроса в Западной Европе.

В 1813 г. в России было собрано 578 607 306 пудов зерновых, из них 124 305 901 пудов пошли на продажу (в документе не уточнено, какого характера продажа) и на посевное зерно (Зябловский, 1815. С. 23). С учетом того, что для получения такого урожая на посев в 1813 г. ушло 181 633 507 пудов, то экспорт зерна в 20 млн пудов уже должен был вызвать в 1815 г. напряженность в сельском хозяйстве, однако от общего объема полученного урожая 1813 г. российский экспорт 1815 г. составил 3,46% и чуть более 16% от остатков 1813 г., предназначенных для продаж и посева (конкретно по 1815 г. у нас нет данных по урожаю и остаткам).

И все же поведение русских помещиков и крестьян в начале XIX в. должно было отличаться от того, каким было 100 лет спустя. Тем не менее, мы не думаем, что в юго-западных губерниях оно оказалось радикально иным к концу позапрошлого столетия, нежели в его начале. Поэтому полагаем, что минимальные потери российского сельского хозяйства от прекращения хлебного экспорта должны были составить 3,46% (такова была реальная доля российского урожая, отправленная в 1815 г. на экспорт) и максимальные – 10% (гипотетическая оценка). На базе этих оценок потерь от экспорта мы и будем дальше строить наши рассуждения.

Как мы понимаем, между предложением хлеба и ростом населения есть прямая зависимость, как и рост населения оказывает влияние на производство хлеба. Едва ли сокращение предложения хлеба на 3,46% могло вызвать радикальные демографические изменения в Российской империи, если учесть к тому же гибкий характер преимущественно нерыночного потребления большинства российских домохозяйств того времени. И все-таки смоделируем эту ситуацию, принимая имеющиеся у нас данные, что эластичность ржи по цене имела округленный коэффициент 1,39 (см. табл. 1, мы берем наиболее рыночный, на наш взгляд, показатель эластичности в относительно спокойном политически и хозяйственно благополучном 1909 г.), когда равновесная цена не переработанной в муку ржи в С.-Петербурге составила в начале XX в. 214 коп. (для удобства примем как 2,14 руб.), объем спроса (потребления) – 1 364 922 тыс. пудов (для удобства расчетов примем как коэффициент 13,65).

Коэффициенты абсолютной эластичности для спроса и предложения являются постоянными величинами при линейной зависимости. Соответственно, вспомним формулу эластичности $E_d = -b (P^* / Q^*)$, $E_s = d(P^*/Q^*)$. Начнем с вычисления коэффициентов линейной функции спроса, необходимые для этого данные есть: исходя из эластичности по цене, $(-1,39) = -b (2,14 / 13,65) = -0,157b$; $b = 1,39 / 0,157 = 8,86$; $13,65 = a - (8,86) (2,14) = a - 18,96$, $a = 13,65 + 18,96 = 32,61$; $Q = 32,61 - 8,86P$.

Для функции предложения по аналогии: $1,1 = d (2,14 / 13,65) = 0,157d$; $d = 1,1 / 0,157 = 7$; $13,65 = c + (7) (2,14) = c + 14,98$; $c = 13,65 - 14,98 = -1,33$; $Q = -1,33 + 7P$. Мы специально выбрали коэффициент эластичности предложения по цене, который незначительно отличается от единицы, так как расширение запашки в Российской империи шло медленными темпами, за исключением Черноземья, где к началу прошлого века возмож-

ности для экстенсивного роста земледелия оказались исчерпанными, а интенсивные методы еще не так широко применялись и не со столь крупным успехом.

Теперь перейдем к кульминационному моменту нашего исследования: как изменение предложения могло повлиять на цену ржи в России начала XX в. После ответа на этот вопрос мы перейдем к рассмотрению зависимости между рынком зерна и ростом населения России. Как сказано выше, оптимистичный сценарий для ситуации «сбыта на внешних рынках нет» составляет 3,46% потерь от реально имевшего места урожая, для удобства округлим этот показатель до 4% (вполне вероятно, отказ от производства был бы в начале XX в. все-таки немного выше). Мы знаем, что на внешние рынки шло до 20% российского урожая, для кануна Первой мировой этот показатель составлял 18–19%, в таком случае, если мы возьмем максимум 19%, то 15% урожая при оптимистичном сценарии должно было попасть на внутренний рынок. В таком случае, преобразуем функцию предложения к виду: $Q_s = (1,15) (-1,33 + 7P) = -1,53 + 8,05P$. Функция спроса осталась той же: $Q_d = 32,61 - 8,86P$. Отсюда, исходя из $Q_d = Q_s$, получаем, $8,05P + 8,86P = 32,61 + 1,53$; $16,91P = 34,14$; $P = 34,14 / 16,91 = 2,02$. Для пессимистического прогноза: $Q_s = (1,09) (-1,33 + 7P) = -1,45 + 7,63P$; $7,63P + 8,86P = 32,61 + 1,45$; $16,49P = 34,06$; $P = 34,06 / 16,49 = 2,06$

Таким образом, при оптимистичном сценарии цена на рожь упала бы приблизительно на 12 коп. за пуд. Соответственно, при пессимистичном сценарии, когда мы смогли бы отправить на внутренний рынок только на 9% больше зерна, чем до прекращения экспорта, – приблизительно 8 копеек. Оба сценария не повлияли бы кардинально на реальную заработную плату, как на нее, мы понимаем теперь, не влиял и хлебный экспорт, доходы от которого стимулировали рост экономики юго-западных губерний Российской империи, что позитивно отражалось на благосостоянии их населения.

Платежный баланс и хлебный экспорт: был ли у Российской империи шанс?

В начале исследования у нас, по П. Самуэльсону, получалось, что внешняя торговля должна была тормозить прямое трансграничное движение факторов производства. Однако, вслед за великим неоклассиком делаем и такое предположение: исходя из того, что в экспорте участвуют отрасль/отрасли, имеющие низкую добавленную стоимость и не требующие больших объемов капитала, можно поставить вопрос, «был ли у Российской империи шанс», в случае отсутствия хлебного экспорта (представить такой сценарий при той системе власти практически невозможно) и если бы у российской экономики возник отрицательный платежный баланс, то покрыть его только за счет импорта капитала? В этой связи в Россию пришло бы больше передовых технологий и больше инвестиций в отрасли с высокой добавленной стоимостью. При фактическом ходе событий Россия выступала чистым нетто-экспортером капитала незадолго до Первой мировой войны.

Представим себе ситуацию, что традиционалисты в России конца XIX в. оказались более многочисленными и успешными в плане способностей оказывать давление на власть. Хлебный экспорт в таком случае, скорее всего, остался бы на уровне первой четверти XIX в., т.е., 3–4% в год от общего объема урожая, так как в стране было бы введено жесткое квотирование на вывоз продовольствия. Подобные схемы были тогда применены во Франции и Германии, только речь в их случае шла об импорте продовольствия (французские консерваторы в то же время ограничивали вывоз продовольствия из французских колоний в третьи страны, что было эквивалентно квотированию экспорта продовольствия из Франции, по своей сути). Но традиционалисты в России настаивали на ограничении капиталистических отношений вообще, что, несомненно, вылилось бы в ограничение вывоза хлеба, ибо последний требовался для поддержания русского крестьянства Нечерноземья, где часто случались голодовки. Едва ли эта мера имела бы на практике большой успех, что и показал опыт межвоенного пери-

ода в СССР. Но противники рыночной экономики в России всегда видели в Западе и экономических отношениях с ним главное звено в механизме, провоцирующем беды русскому народу.

Российская империя имела профицит торгового баланса до Первой мировой войны (табл. 2). Значительный удельный вес в российском экспорте составляли сырье и полуфабрикаты (табл. 3).

Таблица 2

Превышение торгового баланса России в 1901–1913 гг.

Год	Профицит торгового баланса, тыс. руб.
1901	266 907
1902	402 027
1903	324 715
1904	354 981
1905	442 238
1906	294 196
1907	205 646
1908	85 591
1909	521 338
1910	364 639
1911	429 729
1912	347 000
1913	146 100

Источники: Обзор, 1915; Ежегодник, 1914. С. 638.

Таблица 3

Экспорт из России в 1901–1913 гг.

Год	Сырье и полуфабрикаты, тыс. руб.	Общая стоимость всего экспорта, тыс. руб.
1901	259 473	860 332
1902	260 892	1 001 179
1903	318 946	1 006 384
1904	305 781	1 006 383
1905	297 335	1 077 325
1906	356 255	1 094 887
1907	390 365	1 053 011
1908	377 746	998 250
1909	423 449	1 427 674
1910	436 934	1 449 085
1911	482 029	1 591 411
1912	589 000	1 518 800
1913	561 000	1 520 100

Источники: Обзор, 1915; Ежегодник, 1914. С. 638.

Из данных, приведенных далее (см. табл. 4), становится очевидным, что в случаях снижения сырьевого экспорта потери в торговом балансе компенсировались го-

товой продукцией. Наиболее чувствительным к продаже сырья российский экспорт стал после революции 1905 г., хотя для 1912 и 1913 гг. мы видим снижение такой чувствительности, что указывает на восстановление российской промышленности после революционных потрясений 1905–1907 гг. и крупного глобального финансового кризиса самого начала прошлого века. На 1912–1913 гг. приходится не имевший ранее аналогов рост экспорта готовой продукции из России (*Обзор, 1915; Ежегодник, 1914. С. 638*).

Каков мог быть механизм компенсации потерь от сокращения продаж сырья? Ответ, мы думаем, лежит в теории П. Самуэльсона, с упоминания которой мы и начали излагать наше исследование. Снижение объемов выручки от продаж сырья и зерна либо чего-то одного из двух не вело автоматически к сокращению спроса на капитал. Соответственно, российская экономика привлекала в промышленность иностранные кредиты и прямые инвестиции, что провоцировало рост экспортных производств уже готовой продукции. В 1912–1913 гг. этот механизм стал вовсю работать после продолжительного спада в промышленности 1903–1911 гг., когда доминирующее значение в формировании платежного баланса страны имел зерновой экспорт. В 1909 г. Россия получила самую крупную выручку от продаж хлеба за всю дореволюционную историю – 748,3 млн руб., однако достигнуто это было не столько за счет расширения производства, сколько за счет роста мировых цен. После счастливого для хлеборобов 1909 г. выручка от продаж на международных рынках начала падать, составив в 1912 г. 547,1 млн руб. (*Покровский, 1947. С. 349*). После 1909 г. сложилось меньше стимулов инвестировать в сельское хозяйство, когда вопрос дефицита капитала и валюты решался за счет внешних заимствований в большей степени, чем ранее.

Очевидно, что отдача от заимствованного на внешних рынках капитала была растянута во времени, в отличие от снижения объемов выручки от продаж сырья и продовольствия. Однако объемы экспорта готовой продукции росли монотонно с 1907 г., запускным механизмом чего стал, на наш взгляд, очередной спад в сельском хозяйстве в 1905–1906 гг., когда продовольственный экспорт сократился по некоторым статьям (*Обзор, 1915; Ежегодник, 1914. С. 638*). Скорее всего, «борьба» импортированного капитала, находившего свое воплощение затем в экспортируемых готовых товарах, и продовольственной торговле, началась до 1901 г. В этой связи несложно представить вероятный тренд развития российского экспорта и структуры платежного баланса, останься хлебный экспорт на уровне первой четверти XIX в., хотя внешние заимствования в тот период были заметнее обусловлены военными расходами государства, нежели спросом частного сектора на капитал. Поэтому нам, на первый взгляд, больше подходит для контрфактического анализа период правления Николая I, когда государство прибегало в основном к внутренним займам, не ведя столь масштабных войн за пределами собственных границ. При Николае I Россия была почти закрыта для иностранных банков, к тому же, действовали высокие ввозные пошлины. Однако министр финансов Е. Канкрин построил свою политику стабилизации российских финансов отчасти на внешних заимствованиях; между прочим, целевой заем на постройку железных дорог был задуман им.

Итак, Е. Канкрин решил уменьшить внутренний долг России посредством внешних долгов, которых к концу правления Николая I накопилось порядка 340 млн руб. серебром. Академик С.Г. Струмилин в этой связи пришел к выводу, что промышленный переворот в России произошел именно между 1825 г. и Крымской войной, что было невозможно без иностранных кредитов. После начала Великих реформ в 1857 г. (хотя у многих старт их ошибочно ассоциируется с отменой крепостного права в феврале 1861 г.) российским частным компаниям было разрешено заимствовать на внешних рынках, но иностранные банки требовали гарантий от российского правительства.

Сами реформы начались с отмены протекционистских тарифов, что привело сразу же к образованию отрицательного платежного баланса и росту процентной ставки почти с 6–8% до 10–15%. Иностранцы предоставляли кредиты россиянам под 5–6%. Соответственно, нам интересны в большей степени пореформенные годы, так как в правление Николая I положительный платежный баланс во многом поддерживался за счет высоких таможенных барьеров. Нам известно мало о поступлениях в Россию денег от экспорта. Есть данные, что в 1862 г. Россия экспортировала в Британию товаров на сумму 82 млн руб., получив английских товаров на 36 млн руб. По Германии (Германский таможенный союз) было соотношение 31 и 41 млн руб., по Франции, соответственно, 11 и 11 млн (Сергеев, 2012. С. 37).

Положительный баланс в торговле с Англией был типичен для России пореформенного времени, что объяснимо сравнительно низкими издержками на труд в Российской империи. Однако торговля с Германией и Францией показывает, что выигрывать за счет дешевого труда Россия уже не могла на европейских континентальных рынках даже буквально сразу после отмены крепостного права. В этой связи требовался капитал для повышения производительности предприятий и создания современной на ту пору транспортной инфраструктуры. В апреле 1862 г. дом Ротшильдов подписал для России кредит в 15 млн. ф. ст., что эквивалентно 150 млн руб. (Kutowski, 1984. P. 20).

Если предположить, что вся сумма этого кредита поступила в Россию до конца 1862 г. и что более никаких иностранных кредитов не было либо они были очень незначительными, то получается, что Российская империя получала в кредит денег больше, чем зарабатывала на внешних рынках от торговли. Однако импорт товаров в пореформенный период, если судить по российско-британской торговле, неуклонно снижался. В то же время в России в 1860-е гг. развернулась не имевшая ранее аналогов модернизация народного хозяйства, продолжавшаяся и далее. В 1861 г. Россия экспортировала около 1,3 млн т зерна, или около 81,2 млн пудов, что почти в четыре раза больше, чем в 1815 г. Учитывая, что в 1860-е гг. в России ежегодный урожай зерновых составлял примерно 32 млн. т², то экспорт составил в 1861 г. чуть более 4% от всего сбора урожая, что немногим больше, чем в 1815 году.

Таким образом, при 3–4% экспорта зерновых Россия имела отрицательный платежный баланс. При резком росте хлебного экспорта в конце XIX в. Россия смогла получить положительный торговый баланс, как мы видели выше. Однако темпы модернизации экономики после 1900 г. стали заметно снижаться по отдельным пунктам. Причина состояла в том, что прирост экспортной выручки за счет увеличения экспорта хлеба, других продуктов, а также древесины привел к оттоку полученных от рентных прибылей денег за рубеж (табл. 4).

Таблица 4

Вывоз капитала за рубеж

Типы переводов финансовых средств за рубеж	Сумма в рублях 1913 г. (млн)
Чистые туристические платежи и иммигрантские трансферты	406
Вывоз капитала в форме платежей по проценту частными компаниями и банками	150
Вывоз капитала в форме платежей по государственному долгу	221
Итого:	777

Источник: Грегори, 2003. С. 253.

² Рассчитано по данным в работе: (Дякин, 1990).

Всего с 1898 по 1913 гг. из России было вывезено капитала на сумму 8 587 млн руб. (Хромов, 1967. С. 490), что означает примерно равно распределенные по годам объемы вывоза капитала из страны в самом конце XIX – начале XX вв., если сравнить данный показатель с данными по вывозу капитала только за один 1913 г. При этом иностранных инвестиций за тот же период было получено 2225 млн руб., госзаймов – на 2 млрд руб. (Хромов, 1967. С. 490). Отсюда видим, что Россия сделалась экспортером капитала задолго до Первой мировой войны, испытывая при этом его дефицит. При старых показателях экспорта зерна (3–4% от всего урожая) Россия оставалась все-таки импортером капитала в больших масштабах, но вряд ли она вывозила бы капитал в больших объемах. Таким образом, пример России показывает, что, экспортируя трудоемкие товары в условиях положительного сальдо торгового баланса страна может стать также и экспортером капитала. В противовес теории П. Самуэльсона мы могли бы сказать так: заработанные от продажи трудоемких товаров на международных рынках деньги стремятся туда, где производятся капиталоемкие товары, что вполне естественно. В экономике, рост которой осуществляется в основном за счет труда, капитал так не востребован, в противоположность экономикам, растущим за счет увеличения доли капитала в стоимости товаров.

ЛИТЕРАТУРА

- Анфимов А.М., Корелин А.П. (1995). Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб.: Изд. Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 257 с.
- Грегори П. (2003). Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX вв.). Новые подсчеты и оценки. М.: РОССПЭН, 253 с.
- Дякин В.С. (1990). Был ли шанс у Столыпина? // *Звезда*, № 12.
- Ежегодник Министерства финансов (1914). Вып. 1913 г. СПб.
- Зябловский Е. (1815). Статистическое описание Российской империи в нынешнем ее состоянии с предварительными понятиями о статистике и с общим обозрением Европы в статистическом виде. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 392 с.
- Корелин А.П. (ред.) (1916). Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 4. 1911–1913. М.
- Краткий свод статистических данных по гор. Петрограду за 1913–1914 гг. (1915). СПб.
- Латов Ю.В. (2009). Влияние нефтегазового комплекса на национальную экономическую безопасность России // *Terra ecomotiscus*, № 1, т. 7, с. 91–104.
- Лященко П.И. (1915). Зерновое хозяйство и хлеботорговые отношения России и Германии в связи с таможенным обложением. СПб.
- Материалы к пересмотру торгового договора с Германией. Вып. V. Россия. Привоз, вывоз и направление вывоза главнейших сельскохозяйственных продуктов за 1884–1910 гг. (1915). СПб.
- Милов Л.В. (1974). Парадокс хлебных цен и характер аграрного рынка в России XIX // *История СССР*, № 4, с. 48–63.
- Миронов Б.Н. (2010). Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М.: Новый хронограф, 911 с.
- Нефедов С.А. (2005). Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. Екатеринбург: Издательство УГТУ, 543 с.
- Обзор внешней торговли России по Европейским и Азиатским границам за 1914 г. (1915). СПб.
- Покровский С.А. (1947). Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М.: Наука, 401 с.

Попов Г.Г. (2013). Смута в контексте мир-системных отношений // *Journal of economic regulation (Вопросы регулирования экономики)*, т. 4, № 4, с. 92–106.

Попов Г.Г., Щеголевский В.А. (2015). Демографическая теория Т. Мальтуса и экономическая история Российской империи // *Terra economicus*, т. 13, № 3, с. 67–77.

Рыкачев А. (1911). Цены на хлеб и труд в С.-Петербурге за 58 лет // *Вестник финансов*, № 31.

Самуэльсон П. (2006). Еще раз о международном выравнивании цен факторов производства / В кн.: Киреев А.П. (ред.-сост.) Вехи экономической мысли, т. 6, Международная экономика. М.: ТЕИС, с. 205–219.

Сартор В. (2011). Жизненный узел. Зерновой экспорт России в XIX – начале XX вв. Структурные особенности и причины зависимости экономики России // *История России: экономика, политика, человек*, с. 226–232.

Сергеев В.В. (2012). Роль торгово-экономических факторов в англо-русских отношениях второй половины XIX – начала XX вв. // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*, вып. 12, с. 35–39.

Хромов П.А. (1967). Экономическое развитие России: Очерки экономики России с древнейших времен до Великой Октябрьской революции. М., 594 с.

Чибисова Е.И., Чибисов О.В., Попов Г.Г. (2015). Демографический тупик российского капитализма. Мысли вслух // *Российское предпринимательство*, т. 16, № 21, с. 3835–3856.

Чистяков Ю.Ф. (2015). Продовольственный экспорт Российской империи в XIX – начале XX вв. и социально-экономическое развитие страны: уроки для современной России // *Российское предпринимательство*, № 2(272), с. 287–300.

Brutzkus B. and Roth W.J. (1934). Russia's Grain Exports and Their Future // *Journal of Farm Economics*, vol. 16, no. 4, pp. 662–679.

Kutolowski J.F. (1984). British economic interests and the polish uprising, 1861–1864 // *The Polish Review*, vol. 29, no. 4, pp. 579–596.

REFERENCES

A brief set of statistics on Petrograd in 1913–1914 (1915). St. Petersburg. (In Russian.)

Anfimov A.M. and Korelin A.P. (1995). Russia in 1913. Statistical and documentary handbook. St. Petersburg: Russian-Baltic information center «BLITZ» Publ. (In Russian.)

Chibisova E.I., Chibisov O.V. and Popov G.G. (2015). The demographic dead end of Russian capitalism. Thoughts aloud. *Journal of Russian entrepreneurship*, vol. 16, no. 21, pp. 3835–3856. (In Russian.)

Chistyakov Yu.F. (2015). Food export of the Russian Empire in XIX – early XX centuries and the socio-economic development: lessons for modern Russia. *Journal of Russian entrepreneurship*, no. 2(272), pp. 287–300. (In Russian.)

Dyakin V.S. (1990). Whether Stolypin had a chance? *Zvezda*, no. 12. (In Russian.)

Gregory P. (2003). Economic growth of the Russian Empire (late XIX – early XX century). New estimates and valuation. M.: ROSSPEN Publ. (In Russian.)

Khromov P.A. (1967). Russia's economic development: Essays on the economy of Russia from the earliest times to the great October revolution. Moscow, 594 p. (In Russian.)

Korelin A.P. (ed.) (1916). Statistical Yearbook of the city of Moscow. Vol. 4th. 1911–1913. Moscow. (In Russian.)

Latov Y.V. (2009). Impact of oil and gas complex on the national economic security of Russia. *Terra economicus*, no. 1, vol. 7, pp. 91–104. (In Russian.)

Lyashchenko P.I. (1915). Grain farming and bread trading between Russia and Germany under customs taxation. St. Petersburg. (In Russian.)

Materials to the revision of the trade agreement with Germany. Vol. V. Russia. The importation, export and direction of export of the main agricultural products for the years 1884–1910 (1915). St. Petersburg. (In Russian.)

Milov L.V. (1974). Paradox grain prices and the nature of the agricultural market in Russia XIX. *History of the Soviet Union*, no. 4, pp. 48–63. (In Russian.)

Mironov B.N. (2010). The welfare of the population and revolution in Imperial Russia: the XVIII – beginning of XX century. Moscow: New Chronograph Publ. (In Russian.)

Nefedov S.A. (2005). Demographic and structural analysis of the socio- economic history of Russia. The end of XV – beginning of XX century. Ekaterinburg: Publishing house of the Ural State Mining University. (In Russian.)

Pokrovskiy S.A. (1947). Foreign trade and foreign trade policy of Russia. Moscow: Science. (In Russian.)

Popov G.G. and Schegolevskiy V. (2015). Demographic theory of T. Malthus and the economic history of the Russian Empire. *Terra economicus*, vol. 13, no. 3, pp. 67–77. (In Russian.)

Rykachev A. (1911). The price of bread and work in St. Petersburg for 58 years. *Journal of Finance*, no. 31. (In Russian.)

Samuelson P. (2006). Again on the international equalization of prices of factors of production. Kireev A.P. (ed.) Milestones of economic thought, vol. 6, International Economics. Moscow: TEIS Publ. (In Russian.)

Sartor V. (2011). Life node. Grain export of Russia in the XIX – early XX century. The Structural features and causes of dependence of economy of Russia. *History of Russia: economy, politics, people*, pp. 226–232. (In Russian.)

Sergeev V.V. (2012). The role of trade-economic factors in Anglo-Russian relations in the second half of XIX – early XX centuries. *Bulletin of Kant Baltic Federal University*, vol. 12, pp. 35–39. (In Russian.)

The foreign trade of Russia on European and Asian borders of 1914 (1915). St. Petersburg. (In Russian.)

Yearbook of the Ministry of Finance (1914). Vol. 1913. St. Petersburg. (In Russian.)

Zyablovsky E. (1815). Statistical description of the Russian Empire in its current state with advanced concepts of statistics and General Outlook of Europe in a statistical form. St. Petersburg: Printing House of the Senate. (In Russian.)

Brutzkus B. and Roth W.J. (1934). Russia's Grain Exports and Their Future. *Journal of Farm Economics*, vol. 16, no. 4, pp. 662–679.

Kutolowski J.F. (1984). British economic interests and the polish uprising, 1861–1864. *The Polish Review*, vol. 29, no. 4, pp. 579–596.